

Глава 1

— Мама никогда не говорила, что я красивый... Не стоит меня разубеждать.

Я стоял перед зеркалом в ванной и повторял начало монолога раз за разом, представляя, как зал засмеется в момент паузы. На слове «красивый» я вспомнил деда, который работал на сталелитейном заводе в Архангельске после войны. Он так активно восстанавливал экономику страны, что его некогда белая шерсть свалялась желтыми колтунами, свисавшими со спины, рук, ног, а на доске почета среди ударников соцтруда значилось и его имя.

Я не помню его маску. Под конец жизни он перестал ее носить и редко разговаривал. Помню испещренную уродливыми шрамами спину, когда он сидел на берегу Северной Двины после заплыва. Каждый вечер в любое время года он шел к реке и нырял в нее.

Как-то я подхватил в школе ветрянку. Бабушка уложила меня на скрипучий диван в зале, укутала пледом и приготовила отвар из бузины. Дед, увидев меня в зеленую крапинку, схватил за руку и потащил из дома. Я думал, что, по какому-то древнему обычаю нуоли, он избавит стаю от слабого звена. Но дед привел меня к реке и велел лезть в воду. Было градусов пять мороза. Спорить с дедом я не решился. Разделся и зашел в реку. Дед приказал окунуться с головой несколько раз. Кажется, я тут же выздоровел.

Два года назад я окончил геологический в Архангельске и переехал на юг, в Ростов-на-Дону. Ничто меня не связывало с этим городом. Меня привела мечта. Мой друг Толик двумя годами раньше тоже переехал из Архангельска, чтобы управлять местным стендап-клубом. Как вы уже догадались, моя мечта — стендап. С чего я решил, что могу шутить? Не знаю. Но за три года тут я ни разу не захотел всё бросить. Даже после провальных свободных микрофонов.

Очередной предстоял вечером.

— Мама никогда не называла меня красивым...

Плывать в Дону я не решался. Но перед каждым важным делом совершал один и тот же ритуал. Верил в исцеляющую силу холодной воды и незримую поддержку деда с того света. Верил, что поможет быть смешным. Нет, не так. Верил, что поможет мне шутить. Ведь я и так смешон.

Мне пришлось встать на два часа раньше, чтобы принять ванну. Обжигающе холодную. Клише. Просто холодную. В супермаркете на углу я скупил весь лед накануне, всего два мешка, и сложил в морозильную камеру. Она занимала половину прихожей в квартире Толика, где я снимал угол. На самом деле, комнату, но платил как за угол. Когда я купил этот холодильник, он говорил, что этот гроб распугает всех гостей. Но позже не уставал каждый раз повторять одну и ту же шутку:

— Йалка так любит холод, что его девушки сначала проводят пару часов в морозилке, а потом уже в спальне, — тут он выжидает недоумение, и потом делает контрольный выстрел. — И главное, потом они всегда такие покладистые...

Одно из негласных правил нашей с Толиком дружбы и соседства — мы никогда не критикуем шутки друг друга. Даже плохие. Толик называет это проверкой на вшивость. Если девушка нормальная, она посмеется. Проверка срабатывала меньше, чем в половине случаев. Вторым негласным правилом было не критиковать подружек Толика.

Я принял ванну, как мама научила еще в архангельской квартире. Сначала уложил две одноразовые простыни, чтобы ни один волосок не попал в слив. В этом доме сантехника ни к черту. В нашем подъезде в прошлом году поселилась семья нуоли. Не знаю, где они жили раньше, но из-за них целый дом остался без канализации на два дня. После ванны я собрал аккуратно простыни и уложил в мусорный пакет. Этого мама не одобрила бы. Она говорит, что шерсть нужно сжигать. И она действительно так делает. Раз в месяц среди ночи выходит во двор с железным ведром и поджигает всю шерсть, которая скопилась в нашей квартире. Живи она на юге, могла бы стать зачинщицей пожара. Она потом еще стала следить за лунными циклами, чтобы устраивать костер на убывающую луну. Верит, что это замедляет выпадение. Нуоли не страдают алопецией. Не видел ни одного лысого нуоли. Но маму не переубедить.

Я смотрел на себя в зеркало.

— Мама никогда не...

Я плохо спал ночью. Хорошо, что этого не видно. В голове вертелись слова из моего монолога. А может, это был Крис Рок, которого я смотрел перед сном. В какой-то момент шутки рассыпались на бессмысленные звуки, и я перестал узнавать собственные. Вечером я выйду на сцену и проговорю их, ожидая, что кто-нибудь засмеется. Я предложил Толику включать фонограмму, как в старых ситкомах, а он посоветовал нанять

парочку бомжей, которые будут угарать над каждой моей репликой. Я не решил, что хуже.

Я обернулся полотенцем и вышел из ванной.

На кухне заварил себе чай. Хотелось кофе, но у Толика гостя, а наша кофемашина издает такие звуки, будто кто-то сорвал стоп-кран в поезде, а ты лежишь в это время аккуратно на рельсах. Но варит при этом лучший кофе. Я смотрел в ноутбуке выступление Марлона Уайанса. Бессмысленно уже повторять монолог, который давно знаю. Дело вовсе не в тексте. Марлон почти двадцать лет не выступал, и вот он выходит и кривляется, отыгрывает каждое слово. Отыгрыш важен. У меня хорошая маска, родители почти год копили, чтобы подарить мне ее на выпускной. Но она не давала того эмоционального спектра, который мне был нужен. В ней я мог улыбаться, хмуриться, удивляться. Но показать замешательство или скепсис...

В детстве я думал, что маски нужны, чтобы не пугать людей чернотой, что у нуоли вместо лица. Да, кстати, у меня нет лица. Там что-то вроде бездны. Не ницшеанской, просто бог или кто там за все отвечает, забыл или не захотел придумать нам лица. И так сойдет. А чтобы мы свободно чувствовали себя среди людей или чтобы им было рядом с нами комфортно, вернее не страшно, мы носим маски. Кто знает, что может случиться с соседом, увидь он меня без маски. Вдруг его тесный мирок расширится. Этого допускать нельзя. По правде, ничего не произойдет. Я лишь увижу то, что не должен видеть. Наверное, по этой причине президент не нуоли.

Дома я не носил маску. И, сидя на кухне рано утром в одном полотенце и жуя бутерброд с сыром, не ожидал увидеть никого, кроме Марлона Уайанса в моем ноутбуке.

— А где попить?

В дверях стояла девушка в тоlikовой футболке и таращилась на меня. Может, просто смотрела. Конечно, она видела нуоли без маски. Но я не люблю смотреть на незнакомцев, мне не хочется знать, что, скажем, она мечтает помириться с мамой или поехать зимой на Байкал. Да, я вижу что-то вроде тайных мыслей или желаний. Любой нуоли это умеет. Это как-то связано с теорией отражения.

Я не хотел на нее смотреть, поэтому кивнул в сторону крана и отвернулся. Она как-то медленно достала кружку, открыла кран, и вода неспешно, словно желе, заполняла эту бездонную посудину.

— Ты сегодня тоже выступаешь?

— Угу.

— Какой-то ты невеселый для комика.

Как остроумно. Чего ей надо? Я смотрел в экран и не слышал ничего, что говорил Марлон. Она меня нервировала. А упоминание предстоящего выступления усилило мой страх. Пережить бы этот день.

— Но я все равно приду.

Она какое-то время беззвучно стояла, а потом шарахнула кружкой об стол рядом со мной. От неожиданности я дернул рукой и плеснул свой чай на клавиатуру. Довольная произведенным эффектом, она вышла. Зараза!

Толик всегда выбирал таких. Лица, как под копирку. Нос, губы, брови наверняка делали у одного врача. И волосы. Обязательно длинные и прямые. Чаще черные. Если в нашей квартире сделать зал славы подружек Толика, в нем будет висеть одна фотография, а на золотой табличке ниже имена: Катя, Таня, Алена, Полина, Карина, Люсине, Маша, Вероника... Я никого не забыл?

Пока я вытирал пролитый чай, на экране телефона высветилось ежедневное сообщение от мамы с анимированным цветочком. Удивительно, как она умудрялась не повторяться. Вся индустрия блестящих картинок держится исключительно на ней. Еще удивительнее, что я замечаю различия этих картинок. Нужно тут же ответить, иначе мама начнет звонить, и разговор неминуемо сведется к тому, что единственный сын бросил престарелых родителей ради тупых шуточек. Мои родители вовсе не престарелые. Средняя продолжительность жизни нуоли шестьдесят лет, им всего по сорок пять. Целых пятнадцать лет впереди. Дед дожил до шестидесяти четырех. Наверное, помогла холодная вода.

Я вымыл свою и ее кружки и поспешил в свою комнату. Быстро натянул джинсы и худи. Если надеть капюшон, меня легко принять за человека. Довольно высокого и крупного, хотя по меркам нуоли я мелкий. Мой дед был почти два двадцать. Я дорос до двух метров еще в девятом классе и больше ни на сантиметр не увеличился. Только в боках, но я стараюсь много ходить.

Я надел маску, и она показалась тесной. Странно. Я осмотрел себя со всех сторон, она прилегала идеально. Когда маска плохо сделана, она топорщится и больше напоминает резиновые лица американских президентов, которые носят грабители банков в кино.

— Важный день! — Толик постучал и тут же вошел в одних трусах и со всклокоченной бородой.

— Не начинай, — маска меня нервировала.

— Она тебя достала? — Толик махнул рукой в коридор. — Хочешь, я запрещу ей приходить...

— И как мне это поможет?

— Она иногда бесит. Но она влюблена. И что творит...

Я усмехнулся.

— Ты что-то видел? — Толик ждал.

— Это неэтично, — я ничего не видел, но хотелось напустить на себя пророческий туман.

— Да брось, я твой лучший друг...

— Как лучший друг, держи своих подружек при себе.

— Ладно, проехали, — Толик посмотрел на меня серьезно. — Какой-то ты бледный.

— Очень смешно. Запиши.

Я спускался по лестнице с четвертого этажа.

— Мама никогда... Черт! Мама!

Не успел я достать телефон, как он зазвонил. Мама.

Февраль в городе выдался серым и мокрым. Я шел по грязным тротуарам и приготовился слушать очередную лекцию о сыновней неблагодарности. Нормальные нуоли в моем возрасте уже заводят жену и детей. Я уточняю: как собак? Тогда мама говорит о неуважении к женщинам, что кстати неправда. Но сегодня разговор пошел совершенно по другому сценарию.

Мама рассказывала про знакомую, которая уехала по международной программе переселения нуоли на Аляску. Я уточнил, почему на Аляску. Мама ответила, что там есть самый настоящий город, где живут только нуоли. Я почему-то представил картинки из учебника истории, где нуоли еще не носят одежду и живут в специальных хижинах, а мама, как героиня книжки девятнадцатого века, без конца падает в обморок от распущенности нравов. Да, раньше умели развлекаться. Она все говорила и говорила, а я все больше не слушал.

Я не верил, что родители решатся на переезд. Они даже на ремонт в квартире не могут решиться. Удивительное постоянство — обои в полоску, шторы и вообще все в цветочек и бесконечно коричневая мебель. Они

могли бы сдавать свою квартиру для съемок сериалов про восьмидесятые. Да чего уж. Они могли бы сами в нем сняться. Папа слесарь на заводе, куда ходит уже двадцать лет в одной и той же куртке, а мама мастер маникюра в салоне возле дома. Правда, прическа у нее не из восьмидесятых.

Я шел через парк Революции. Переселили бы нас на материк или мы продолжили бы рыбачить и заниматься собирательством, если бы не большевики? Иногда я задаюсь этим вопросом. Наверняка у меня уже была бы куча детей от разных женщин и не было бы штанов. А возможно, естественный отбор прикончил бы меня раньше.

Мама произнесла имя Элина, и я снова начал ее слушать. Эта давняя и постыдная история, в которой она пыталась свести меня с дочерью клиентки. Элина умница, учительница английского, помогает своей больной матери... Я уже слышал это. Но каждый раз ее имя заставляло меня слушать внимательно. У нас была всего одна встреча. Элина самая обычная нуоли, если нас можно называть обычными. Никаких бабочек в животе не возникло ни у меня, ни у нее, но было что-то в ней, что я иногда вспоминал, когда думал о доме. Может, запах?

Я подходил к зданию, где работал. Двухэтажный дом пятидесятих годов постройки. Кажется, сталинский ампир. Но это не точно. Я попрощался с мамой, она пожелала хорошего рабочего дня, а ведь знает, что у меня опен майк. Она никогда не желала мне удачи в выступлениях. Вот и сегодня придется обходиться без поддержки рода. Может, дед с того света приглядывает? Хотя никакого того света у нас нет. Но не стану сейчас об этом.

Офис занимал несколько просторных кабинетов на втором этаже. Директор Игорь мнил себя новым Цукербергом, а потому пытался создать «атмосферу непринужденности и творческого безумия». Если выбросить слова «атмосфера» и «творческий», получится слоган нашей компании. Сложно сказать, чем именно мы тут занимались. Обучающие приложения для детей, простейшие игры, интернет-магазины, бот-помощники, стикер-паки, фото. В целом все это при желании можно сделать самому, но по какой-то причине люди обращались к нам. Нас едва можно назвать успешной IT-компанией. Вообще не стоит использовать слова «успешный» и IT применительно к нам, мы обычное рекламное агентство. Но Игорь несколько лет назад продал дом каких-то родственников, и деньги, чтобы играть в модного босса, у него были. Мы лишь гадали, в какой момент он

поймет, что его бизнес-стратегия — полная чушь, сдаст свою квартиру и уедет на Бали.

Игорь был другом Толика. Он когда-то пытался заниматься комедией, но, в отличие от IT-бизнеса, вовремя понял, что едва ли его ждет успех. Так что я получил работу копирайтера по блату, ведь до этого я не написал ни одного рекламного текста.

Мы могли бы работать из дома. Но Игорю хотелось быть боссом, радовать нас бородатыми шутками, совещаниями каждую неделю, где он делился скорее своими нереалистичными мечтами, чем бизнес-планами. Меня устраивало, что в здании высокие потолки, приятные люди и вкусная столовка с вегетарианской кухней. Еще в детстве я отказался от мяса и рыбы. Не по каким-то этическим соображениям. Я просто не мог их переваривать. Бабушка с дедом пытались накормить меня котлетами из оленя, которого дед убил на охоте, а меня сразу же вырвало фонтаном через стол прям на деда. Я не помню, что было потом. Неделя из моей памяти стерлась. Мама рассказывала, что я пролежал с температурой.

Мой рабочий стол находился в серверной, которую Игорь прозвал «Северной». Там круглый год работали кондиционеры. Мой маленький рай, где я мог в свободное от работы время, а его у меня было много, писать шутки или смотреть других комиков. Я не упоминал? Я очень посредственный копирайтер.

Хотелось кофе. В приемной стояла кофемашина, дешевая и грязная. Если бы не девчонки, которые забирали остатки кофе для скраба, она бы давно заросла плесенью или хуже. У кофемашины стоял Андрей. Он кивнул мне и изобразил пантомиму, тыча пальцем на дверь кабинета Игоря. Я отчего-то поддался и сделал вид, что не понимаю. Он снова стал странно жестикулировать, но не успел я спросить, что это значит, как дверь распахнулась и из кабинета Игоря вышла она. Да, дверь именно распахнулась. Не открылась, не отворилась, а распахнулась. Кажется, там даже был божественный свет или вроде того, и я точно слышал хор ангелов. Андрей подтвердит.

Натали по какому-то невероятному стечению всех обстоятельств устроилась работать офис-менеджером в нашу компанию. Она могла бы разносить напитки в частном джете или рассказывать о погоде на телевидении, она могла бы писать детские книжки или придумать лекарство от рака, но она пришла в компанию «Субботин и Ко», чтобы чистить дешевую кофемашину и поливать засохший фикус.

Я влюблялся лишь раз. В девятом классе. Ее звали Алена. Красивая, как все блондинки, и высокомерная, как все красавицы. Пока мы учились в младших классах, мама покупала подарки для Алены на все праздники. Я подносил ей конфеты и мягкие игрушки, она улыбалась. На этом наше общение кончалось. Я смотрел на нее, она меня не избегала.

На выпускном я решился пригласить ее на танец. Не знаю, о чем я думал. Я подошел к королеве, окруженной своими фаворитками, и, перекрикивая музыку, сказал:

— Потанцуем?

Несколько секунд она молчала. Недоумевала, как я посмел к ней обратиться. Фаворитки захихикали. Она ответила что-то, я не расслышал. Я наклонился ближе к ее лицу, и в этот момент музыка стихла (школьный диджей не умел сводить треки):

— Отвали от меня, урод!

Ее лицо стало страшным, я отшатнулся. Она что-то еще говорила. Я не слышал, но было понятно, что я ей противен. Я уже хотел выбежать из зала, как Серега возник из-за спины и плюнул в направлении всей свиты. Как в слоу-мо я видел, что капелька его слюны приземлилась прямо в рот Алене, отчего ее лицо стало похоже на чернослив. Оно буквально посинело. А Серега ржал во весь голос. Сбежался весь класс. Алена расплакалась и выбежала, подружки последовали за ней. Думаю, она плакала всю ночь, потому что на следующий день ее глаза были красными, а нос превратился в разваренную картофелину.

Серега целое лето смаковал эту историю, рассказывая с разными деталями всем, кого знал. Думаю, он не столько хотел заступиться за меня, сколько поставить на место королеву школы. Он втайне сам о ней мечтал, но понимал, что ни я, ни он не заинтересуют такую девчонку, как Алена. Моя первая любовь закончилась в актовом зале школы номер один.

Игорь представил, как-то очень торжественно, Натали. Он назвал ее Наташей, но быстро сам себя поправил. Есть люди, которые, входя в комнату, заполняют собой все пространство. Не буквально. Таким был Серега, такой сейчас Толик, и она такая. Натали нельзя назвать эталонной красавицей. Блеклые глаза, то ли голубые, то ли серые, короткие светлые волосы, худенькая фигурка под безразмерным худи, и губы. Они растягивались в розовую ниточку, когда она улыбалась. Натали бы никогда не понравилась Толику. А я не заметил, как перестал дышать, пока Игорь

знакомил ее с нами и рабочими обязанностями. Он говорил про маленький, но очень дружный коллектив, почти семью.

— Кстати один из нас, — Игорь как-то по-отечески похлопал меня по плечу. — Сегодня выступает в «Комедии». Всех приглашаю и угощаю!

Этого еще не хватало. Опозориться перед всем офисом не так страшно. Я знал, что они придут. Но Натали — это новое звено в цепочке событий. Хотя лучше вернуть метафору про костяшку домино. Если бы мне пришлось открутить все, что произошло после того вечера в «Комедии», и сказать, кто стал той костяшкой, то, пожалуй, я бы сказал, что она была твердой рукой, толкнувшей аккуратно выстроенные события моей жизни. Но зачем я забегая вперед?

После утренней летучки, которая больше походила на презентацию для Натали, мы разошлись по своим рабочим местам. Кофе остыл, и сухое молоко комками лежало на дне чашки, идти за новым я не решился. Я открыл рабочий чат, попробовал сосредоточиться, но слова рассыпались как в моем сне на отдельные бессмысленные буквы.

«“Субботин и Ко” — с нами легко!»

Кабинет вдруг показался меньше обычного, хотелось открыть окно. Я закрыл чат и откинулся на спинку так, что ударился головой о стену. Кабинет точно уменьшился. Стало трудно дышать. Маска мешала. Я никогда не снимал ее на работе, но сегодня снял. Полегчало. Прохлада от кондиционера освежала.

Могла ли маска испортиться? Я вбил в поисковик. Нельзя выбрасывать из самолета, выжимать в стиральной машине, переезжать катком, привязывать к двум лошадям... Не инструкция, а пересказ пяти частей «Крепкого орешка». Я осмотрел свою маску. Ни царапинки. Когда я ее получал, была почти стопроцентная совместимость. Почему сейчас в ней тесно, душно, неудобно? Я достал из ящика жидкость для мониторов и протер маску. Не лучший способ, но ничего не оставалось.

В кабинет заглянул Андрей. Он опять пантомимой попытался спросить, как мне новенькая. Я отмахнулся. Не до него. До нее. Но мне не хотелось обсуждать ее с Андреем. Не в этот раз. Снова надел маску. Лучше.

До обеда время тянулось медленно. Я пробовал работать.

«Порадуйте себя и близких премиальными винами из фамильных виноградников семьи Амарян с хутора Веселое!»

Пробовал смотреть видео выступлений, пробовал писать шутки. *«Как-то встречаются нуоли и афроамериканец...»* За три года я написал только три шутки про нуоли. А нужно сто. Почему сто? Я решил, что, написав сто шуток про нуоли, я смогу шутить обо всем. В конце концов я открыл короткие ролики и скроллил их, пока за мной не зашел Андрей.

В честь новой сотрудницы Игорь решил организовать обед не в столовой в соседнем здании, а в ресторане «Белая чайка», куда надо было добираться на такси почти полчаса. Если бы он не был женат и если бы его жена не была какой-то там мисс, я бы подумал, что он пытается склеить Натали. Но Игорь зачитывается книгами про «голубой океан» и «бирюзовые компании», а потом пытается внедрить это в свое дело. Не уверен, что это как-то отражается на финансовых показателях, зато сотрудники счастливы, как он сам любит повторять.

В «Белой чайке» мы заняли круглый зал. Игорь произнес вступительную речь, рассказав про каждого сотрудника. Комедийное прошлое все еще догоняло его. Поэтому свои рассказы он приправлял шутками. Директора по продажам Яну он назвал снежной королевой офиса, на нее можно смотреть, но близко лучше не подходить. Яна вежливо улыбнулась. У нее была самая большая зарплата и самый короткий рабочий день. Она приходила позже всех и уходила раньше всех, предпочитая освободившиеся часы проводить в фитнес-клубе, куда Игорь ей выдал в качестве премии абонемент. Как-то я начинал бегать, и Яна поддержала меня. Несколько дней подряд она приезжала на набережную, разминалась со мной, бегала, а потом растягивала мои окаменевшие мышцы. На четвертый день я позвонил ей и сказал, что не могу. Она назвала меня слабаком. Я все еще думаю, что если не получится со стендапом, то займусь культуризмом. Будет история Арнольда Шварценеггера наоборот.

Игорь говорил про двух менеджеров по продажам, подчиненных Яны, но я уже не слушал. Я наблюдал, как Натали улыбается и кивает. Интересная природа кивков — собеседник либо искренне соглашается с тобой, либо пытается ускорить твои рассуждения, чтобы ты наконец заткнулся. Потом были Андреи, дизайнер и разработчик, я дружил с разработчиком. Про них Игорь как-то пошутил, но не очень смешно, как, впрочем, и всегда. Натали засмеялась, и мне захотелось посмеяться. Но я не мог.

Наконец официальная часть закончилась, всем принесли еду.

- У тебя красивый загар, — заговорила Яна.
- Я только что вернулась из Австралии. Каталась на серфе.
- Ух, мечта, — выдохнул Игорь.
- Кучу денег потратила, — спокойно ответила Натали. — Влезла в долги.
- А где ты раньше работала?
- То тут, то там, — дернула плечами Натали. — Мы с бывшим организовывали туры. Последний был как раз в Австралию.
- Так вы расстались?

И Натали рассказала, что они расстались еще в Австралии, откуда ей пришлось из-за этого уехать. Сейчас она живет с родителями на той же улице, где находится наш офис, на Советской. В общем-то, именно поэтому она откликнулась на вакансию, не хотела тратить время на дорогу, ей тяжело просыпаться по утрам. Игорь помрачнел и до конца обеда не произнес ни слова. Мне было жаль видеть его таким, но он требовал от нас невозможного — любить работу, как мушкетеры Дюма любили свою королеву.

На обратном пути мы с Натали оказались в одном такси. Она села возле водителя и всю дорогу молчала. А я сидел за ней и вдыхал тонкий аромат ее духов или мыла. Много травянистых и древесных нот. Ветивер, зеленый чай, сандал, а может, всего понемногу.

Я ушел с работы на час раньше. Натали вежливо мне улыбнулась и погрузилась в документы, которые сортировала. В «Комедию» я шагал с тяжелым сердцем. Прохладный воздух и срывающийся снег не помогали. Я не раз выступал в этом клубе перед, считая Толика и его на тот момент девушку, десятью зрителями. И эти выступления нельзя считать откровенно провальными. Но если быть честным, то только благодаря дружбе с управляющим, я все еще выхожу на эту сцену. На открытый микрофон мало кто приходит, но Толик в этот раз вложил в раскрутку все свои силы. Афиши с громкими лозунгами и коллажем из лиц комиков были расклеены по всему городу. Мое лицо (ха-ха) могло как привлечь, так и оттолкнуть зрителя. Но Толик рискнул. И вот в клубе ожидается аншлаг. Большинство хотят поглазеть на нуоли, возмнившего себя смешным. Ладно, я тут ни при чем. Люди просто хотят посмеяться в пятницу вечером.

Я постоял перед входом, ловя ладонями крупные снежинки и подумывая сбежать, и вошел. В помещении душно и темно. Вентиляция

уже несколько недель не работала. Здание когда-то было зернохранилищем: мало окон, света и воздуха. Комбо для тех, кто и так боится сцены.

Толик в блестящем пиджаке провел меня в гримерку, где дрожащими губами повторяли свои монологи другие участники. Мои губы из загадочного нанопластика, поэтому дрожать пришлось всему остальному. Кажется, шерсть на спине встала дыбом и больно заломилась под футболкой и худи.

Не помню, как провел тот час в ожидании своего выхода. Повторял ли я текст или тупо смотрел в стену? Но когда Толик потряс меня за плечо, я кивнул, встал с дивана и прошел за ним к тяжелой красной шторе, из которой мне предстояло выйти в круг желтого горячего света. Я любил эту штору, пропахшую дымом и потом.

— Ну а следующего стендап-комика я долго представлять не буду, — Толик ослеплял своим пиджаком. — Мой друг, мой кореш, Йалка Симонов! Поприветствуем!

Я услышал аплодисменты и шагнул в круг света. Несколько секунд я привыкал к тому, что ничего не вижу, кроме этого света.

— Господи, я уже на небесах? — сказал я, чтобы хоть что-то сказать, а не стоять парализованным.

В зале послышался смешок. Я начал.

— Мама никогда не говорила, что я красивый... Не надо меня разубеждать.

Пауза. Никто не смеется. Это плохо. Это очень плохо. Это рушит всю концепцию. Кажется, я мучительно долго молчу, но проходит всего пара секунд. В зале кто-то одиноко аплодирует. Я присматриваюсь и вижу Натали. Узнаю Игоря и двух Андреев рядом с ней. Игорь не смотрит на меня. Ему стыдно. Не за меня, нет. Это вид стыда, который испытываешь вместе с тем, кому реально сейчас непросто. Такой стыд испытываешь, когда человек с заиканием рассказывает историю, и на букве «к» его заедает почти на минуту, а ты ничего не можешь с этим сделать, тебе остается только ждать, когда его разомкнет.

Знаю, что дальше должен говорить про девушек нуоли и их траты на эпиляцию, но не могу произнести это вслух. Натали. Зачем она пришла? Почему она решила устроиться к нам в офис именно сегодня? Кто вообще выходит на работу в пятницу?

— Маску сними! — в зале нашелся остряк.

— Да! Покажи лицо, — женский голос подхватил.

— Лучше ты свое спрячь, — сказал Толик в микрофон со своего места за кулисой.

Как-то на выступлении Марлона Уайанса Крис Рок пошутил из зрительного зала, это остановило карьеру Марлона в стендапе на двадцать лет. Не хотелось бы так же. Но больше я не могу произнести ни слова. Я молча ставлю микрофон обратно на стойку, захожу за красную тяжелую штору. Вижу, как меня обступают сочувствующие, иду мимо, к задней двери. Выхожу в пустой двор. Пытаюсь сделать вдох. Не получается. Маска. Чертова маска. Я срываю ее. Дышу.

Снег покрыл тонким слоем грязный асфальт. На белом ковре я увидел маленькие следы, ведущие через весь двор к контейнерам. Нуоли долго не заводили кошек и собак. Не потому что не хотели, а потому что считали, что домашние животные не поймут нас. Собака не разбирает конкретных слов, но она изучает человеческую мимику. Иногда поворачивает голову, ловя малейшие изменения в лице хозяина. И как ей понимать существо без лица? У бабушки с дедом была собака. Она жила во дворе, лаяла, если кто-то проходил мимо, и выла, заслышав чужой вой. Дед боялся белых медведей. Кто знает, почему он решил, что белый медведь зайвится к нему домой. Но Дружок бы точно бросился в неравную схватку, а потому до конца своих дней получал из рук деда конфеты. Дед не верил, что собакам нельзя сладкое.

Черный кот запрыгнул на контейнер. Он чуть не сорвался со скользкой кромки, но удержался и бросил на меня победный взгляд. Он, в отличие от меня, сохранил лицо. Я же повел себя как *drama queen*. Чего я ожидал? Неужели жизнь меня не готовила к этому? Я не получал тычки в школе и институте? Меня не называли уродом и не говорили, чтобы я валил обратно в лес, откуда вылез? (Что совсем не так.) Мне не желали сдохнуть в корчах? (Это было всего раз.) Разве нуоли просто так организуют закрытые коммуны на краю земли? Немного перебор. Никто не гонит нуоли. Тут стоит упомянуть про улицы, названные в честь выдающихся нуоли, но это разрушит драматизм сцены.

Кот все-таки соскользнул в контейнер. Я вздрогнул и уронил маску в снег. Поднял, отряхнул и попробовал надеть. Мокрая, она никак не липла.

— Достала!

Я выругался и швырнул маску в контейнер, откуда пулей выскочил кот и умчался в темный угол. Я зашагал прочь.

Снег крупные хлопьями падал мне на плечи. Куртка осталась в клубе. Но я не мерз. Мне было легко. Хотелось идти и идти. Я даже подумал уйти из города. Отправиться, скажем, обратно в Архангельск, а лучше в Мурманск, увидеть своими глазами деревню нуоли, хоть и ненастоящую. Карты показывали, что я могу дойти за два месяца. Интересно, учитывают они остановки или предполагают, что можно обойтись без лишней лирики.

Я шел к Дону. На мосту остановился и посмотрел на черную воду. Зима выдалась теплой, река не закрылась льдом. Я мог бы прыгнуть, но скелет нуоли слишком крепкий, чтобы разбиться о воду. Тогда я мог бы захлебнуться, но психика слишком устойчивая, чтобы отчаяться. Есть в нас что-то от зверей. У животных не бывает тяги к самоубийству. Это всего лишь неудачное выступление в неудачный день. Почему же тогда хочется выbleвать весь этот день прям в реку?

Я перешел на левый берег. Кто-то грустно гулял по набережной с собакой. Я подошел к воде. Река мирно и тихо текла куда следует. Я разулся и ступил на мокрый запорошенный песок. Вода ласкала ступни. Я обернулся. Никого рядом не было. Для людей слишком холодно, чтобы околачиваться у воды. Быстро раздевшись и бросив одежду на песок, я зашел в воду. Окунулся с головой, не издавая лишних плесков. Под водой открыл глаза или что там у нас вместо них. Только чернота и тишина вокруг. Природа такая мудрая, но почему ей не хватило ума сделать нуоли подводными существами. Вместо медведей мои предки сражались бы с касатками за тюленей и тунцов. И нам никогда бы не пришлось жить с людьми, говорить с ними, дружить, влюбляться...

Я вынырнул. Течение отнесло меня метров на сто. Я принялся быстро грести к берегу. Немного переоценив свою любовь к холоду, я дрожащими руками оделся и побежал обратно на мост. Нужно вернуться за маской! О чем я думал, когда выбросил ее? Прав был дед, говоря о целительной силе холодной воды. Мысли прояснились. Я облажался. С кем не бывает? Нужно просто вернуться за маской, а потом подождать, пока о моем провале забудут. Месяц или год.

Темными переулками я возвращался в «Комедию» и думал о том, как маска лежит под грудой мусора. Только бы на нее не выбросили панцири креветок в сливочно-чесночном соусе, которые всегда пользовались большим спросом. Игорь точно заказал креветки, заедал мой позор. А Натали? Я попытался вспомнить ее лицо. Было ли ей стыдно за меня? С чего вдруг. Она меня едва знает. Такие, как она, могут испытывать

жалость. Наверняка в детстве она подбирала драных котов с улицы, играла с ними, но потом забывала, и мать или отец выбрасывали их обратно на улицу или раздавали родственникам.

Было почти три утра, когда я подошел к заднему дворику клуба. На снегу виднелись свежие следы от колес мусоровоза. Как в плохом кино, я опоздал, и моя маска вместе с креветочными очистками уехала на свалку куда-то за город. Не знаю, есть ли такие, но воображение неизменно рисует бескрайние поля с разбитыми унитазами, ворохами одежды, сломанными игрушками и креветочными очистками.

Меня била мелкая дрожь. Ходить мокрым зимой — не самое мое лучшее решение. Я подошел к контейнерам и заглянул. Пустые. Какое-то время я стоял, раздумывая, что делать дальше. Идею позвонить по номеру, выбитому на контейнерах, я сразу отмел. Даже если бы я нашел ее, едва ли смог когда-нибудь надеть. Чем дольше я стоял в нерешительности, тем сильнее замерзал. Промелькнула мысль лечь где-нибудь в темном углу, уснуть и не проснуться. Но услышав звук открывающейся двери, я вспомнил о крепкой психике и отправился домой.

Я вошел в квартиру, и Толик в одних трусах набросился на меня с криками, что обзвонил все морги и все обезьянники, что, конечно же, не так. Зачем люди вообще это говорят? На деле он звонил мне раз сто или сто десять. Я же хотел одного — лечь в уютную постель и забыть этот день. И может, случится чудо и все это окажется просто сном.